

Бушкова Нина Павловна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "

Я, коренная ленинградка, прожила всю жизнь, исключая эвакуацию, в этом городе. После окончания Горного института проработала в геологической организации 32 года. Выйдя на пенсию, продолжала работать уже не по специальности до 2012 года. Со студенческих лет увлекаюсь горными лыжами. За последние несколько лет удалось покататься в Альпах французских и итальянских, а также в Скандинавии.

ВСПОМИНАЯ О ВОЙНЕ

Мама и Нина 1941 год

Война. Я далеко от Ленинграда, а значит и от всех последующих его блокадных ужасов. Эвакуация. Кировская область, небольшое село.

Сельская школа, в классе половина детдомовских. Мы, ленинградцы, для местных детишек как пришельцы – не так говорим, не так (пока еще) одеты, живем в

чужих домах. Сначала подсмеивались над нами, даже пытались дразнить, но мы их быстро отучили.

Потом уже никаких осложнений не было. Выменивали у них «школьную» пайку хлеба – 50 грамм – на открытки и фантики, которые захватили с собой.

Есть хотелось постоянно. Весной и летом было проще. Сначала трава : «пестики» (кажется, Полевой хвощ), «пучки» (зонтики соцветий, напоминающих цветную капусту), сосновый сок (не смола). С поваленной сосны снимается кора, под ней гладкий белый ствол. С него конским волосом, проволочкой или ножом снимается пластина очень вкусного, чуть сладковатого хрустящего сока. Летом ягоды, грибы.

Иногда удавалось поменять что-то из немногих взятых с собой маминых вещей. Один раз на молоко, другой раз на хлеб. А мамины туфли ушли за кусок мяса, запеченного в тесте. Этот деликатес запомнился мне на всю жизнь.

Жизнь научила маму рассчитывать только на себя. Ей пришлось голодать в студенческие годы. Приехала она в Петроград в 1918 году, после окончания с отличием гимназии, поступать в медицинский институт. Заболела возвратным тифом и по срокам смогла поступить в институт им. Герцена, где закончила два факультета. Чтобы поступить в институт, да и в последующие годы приходилось скрывать свое дворянское происхождение, хотя жила их семья довольно скромно.

В анкетах писала – «из мещан». Документы прятала как подпольщик. Всю жизнь боялась вслух произносить свою девичью фамилию - Сумарокова.

И вот война. Отец, имеющий «бронь», остался в Ленинграде, где умер от голода в 1942 году. Мы ничем не смогли ему помочь. Мы понимали, что у нас не так уж плохо, от голода никто не умирал. Нас поселили в доме, из которого уехали хозяева. Холодно, морозы минус 40. В доме есть русская печь, ее немножко подтопить и можно было спать на печи. Но мама считала это вредным для здоровья. И мы спали в холодной комнате на кроватях. И все-таки в один из очень морозных дней я «уломала» маму, и мы заснули на печке. Ночью проснулись от страшного грохота, услышали мамин крик – «Нина!» Сбоку, наверху видно было безоблачное, все в

звездах небо. Рухнули перекрытия, в комнату не войти – балки загородили вход. А моя кровать под тяжестью упавшей на нее балки была сплющена и прижата к полу. Судьба!

Погрузили, что смогли на саночки и отправились к маме на работу. Мороз, в село часто забегали волки: то собаку задерут, то козу. После этого случая долго не могла прийти в себя и вздрагивала от каждого неожиданного звука.

Поселили нас в казенном (повидимому, сельсоветовском) доме. В комнате с нами жила еще одна эвакуированная женщина. Откуда она приехала – не знаю. Комната большая, на потолке висят когда-то отмокшие обои. Отапливались «буржуйкой». Тепла хватало не на долго. На окнах толстый лед. Спали в пальто, шапке и валенках. Вода в ведре за ночь промерзала до дна. Когда темнело книгу (основное развлечение) приходилось прикладывать к окну. Коптилку (керосин) надо было экономить.

Зато на «буржуйке» можно было жарить редьку (лучше бы хлеб), единственный сохранившийся продукт нашего урожая. Картошку, выращенную из «глазков», съедали сразу. Редьку сажали в бока грядки и при хорошем уходе она росла очень хорошо. Редька, жаренная на «буржуйке» получалась как вата, разжевать ее было очень трудно. Но все-таки еда.

Все о еде, да о еде. Вот такие детские воспоминания.

Иногда в село привозили кино. Сеанс длился несколько часов, показывали по частям. С перерывами. Движок, который давал свет, иногда глохнул и наступало томительное ожидание.

Чтобы летом выходить «в свет» (кино, и, пожалуй, все) я сшила из ремешков и старой подошвы босоножки.

У меня сохранилась фотография 7-8 класса уже Ленинградской школы, черно-белая. Но я хорошо помню свои оранжевые чулки и парусиновые, защитного цвета полуботинки. Руки торчат из коротких рукавов фланелевой кофточки. Это платье, в котором уезжала в эвакуацию.

Ленинград, 7 класс, 1944-1945 г.

В Ленинграде сначала мы жили в карантинке для иностранных моряков, в торговом порту, куда завербовалась мама, иначе в Ленинград было не попасть. Затем – общежитие порта. Маме удалось отсудить свою комнату, и мы вселились в пустые стены. Все было унесено, а возможно и сожжено, в том числе мебель, купленная на аукционе. Шкаф, правда, соседи вернули, но без огромного зеркала-двери.

Спали на полу. Хотя мне не пришлось жить в блокадном Ленинграде, умирать от голода и бомбежек, я осталась без отца, семья разрушена.

Маме одной в таких условиях пришлось растить, кормить, одевать меня. К счастью, у меня никогда не было комплексов по поводу наших недостатков (еды, одежды и пр.) Очень выручал спорт, которым я начала заниматься в школе, затем в институте и продолжаю до сих пор. Мама не только поощряла мои занятия спортом, но и смогла дать мне высшее образование.

Нина, 1937 год.

Еще до войны возила меня в музыкальную школу – класс скрипки. При приеме определили «абсолютный» музыкальный слух. Она даже купила уникальную скрипку у бывшего скрипача, но в войну она пропала. Занятия в связи с эвакуацией прекратились.

Война внесла коррективы в нашу жизнь. Мы, дети войны, росли другими, уже не по довоенному беззаботными и наивными. Произошла переоценка ценностей.

Спасибо преподавателю Людмиле Николаевне Афанасовой за полученные знания, доброту и терпение.

17.05.2013-26.06.2013